

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

А.И. Бобков*Иркутский государственный университет.**г. Иркутск, Россия*

iab71@inbox.ru

С.А. Гальцев*Иркутский национальный исследовательский университет.**г. Иркутск, Россия*

gans1958@mail.ru

**СОЦИОЦЕНТРИЧНАЯ РЕЛИГИЯ И КВАЗИРЕЛИГИОЗНОСТЬ:
РАЗЛИЧИЕ СМЫСЛОВ****[*Alexander I. Bobkov, Sergey A. Galtsev* Sociocentric religion
and quasireligiousness: distinction of meanings]**

The philosophical distinction of concepts "sociocentric religion" and "quasireligion" is present-ed. It is claimed that identification of these concepts leads to lack of understanding of need of a sacralization of the social as the adoptions of normal social life and laicization as result of a celebra-tion of the quasireligiousness created for the purpose of the adoption of domination political over religious as the only force capable to approve before unknown social norm. Recognition of sociocen-tric religion other than quasireligiousness leads to withdrawal from an eclecti-cism method, defining it not as mixing identical entities and approving their universality and as leading to the wrong judg-ment of religious tradition and replacement with its quasireligious ideology. It is shown the genetic distinction of the phenomena connected with concepts "quasireligion" and "sociocentric religion", approving secondary origin of the first. In the context of this distinction it is specified opposite in-fluence of these phenomena on ethnocultural identity, at the same time the quasireligion designates itself as the spiritual base of its crisis, and the sociocentric re-ligion just acts as the base of its over-coming.

Key words: sociocentric religion, quasireligion, people, weight, sacralization of the social, sa-cred hierarchy, spiritual community.

Обозначенная в заглавии статьи проблема имеет отношение сразу к нескольким философским дискурсам. Она выступает краеугольным камнем русской религиозной философии, философии религии и социальной фило-софии, а также религиоведения вообще. Такое внимание целого комплекса наук вызвано тем, что религия выступает примиряющим началом сразу четырех аспектов бытия в человеке: природы, культуры, социума и его че-

ловеческой индивидуальности. Примирение не значит снятие противоречий, а скорее признание специфики самобытности субъекта в границах каждого из них с последующим равноправным диалогом между ними. Такое понимание присуще социоцентричной религии, но не квазирелигиозности. В ее контексте как раз человеческое уподобление животному или машине служит наибольшей ценностью, позволяющей подчинив себе все остальные способы религиозного, мифологического и философского постижения мира полагать данное подчинение признаком снятия противоречий. Данный тезис необходимо доказать, ибо существует иное понимание социоцентричной религии, связанное с ее отождествлением с квазирелигией и снятия понимания последней в качестве некоего особого, деструктивного феномена духовной жизни. В частности на такой трактовке квазирелигиозности настаивал Д.В. Пивоваров, полагавший, что «аналогами предложенного нами термина “социоцентрическая религия” являются термины: “гражданская религия” (англ. *civil religion*), “секулярная религия”, “светская религия”, “квазирелигия”» [4, с. 38]. Его анализ социоцентричной религии является отправной точкой нашего исследования проблемы дифференциации квазирелигии и социоцентрированной религии.

Возражения Д.В. Пивоварова против теолого-философского термина «квазирелигия» связано с тем, что псевдорелигия (квазирелигия) вызывает такую же искреннюю веру, как и сама социоцентрированная религия. Более того, по его мнению, достаточно взглянуть на духовные практики и символы, установленные в условиях господства квазирелигии, то представляется очевидным их полное совпадение с социоцентрированной религией. Отсюда вполне справедливым кажется полагание необходимости снятия термина квазирелигия. Но так ли это на самом деле, не впадаем ли мы в ошибку, предпочитая концепцию Д.В. Пивоварова концепции П. Тиллиха, Н. Смарта и И. Ваха. Не кажется ли нам, что эти обе концепции заблуждаются относительно феномена квазирелигиозности, хотя бы по времени его возникновения. Скорее всего, это так и есть.

Поэтому необходимо разобрать проблему с двух сторон. Первой по времени возникновения в религиоведческом дискурсе выступает проблема квазирелигиозности, ставящая во главу угла факт победы идеологии над религией и заимствование первой многих религиозных черт, но при этом данные

черты в идеологическом контексте сильно искажены. Например, сакральность власти в религии несомненна, но ее непогрешимость невозможна. И сакрализация власти отнюдь не означает непогрешимость. Сакрализация власти – это ориентация ее на постоянный учет социальных закономерностей, учет, как социального действия, так и социального противодействия. Это предупреждение о том, что всемогущество власти недостижимо, а агиократия это идеал невозможный для воплощения, но необходимый. Сакральное ни в коем случае не отменяет профанное, оно скорее противостоит тотальной политизации и экономизации социального бытия. Погрешимость власти – это стремление кесаря взять и власть бога. На противодействии этому желанию стоит всякая религия, если она подлинная. Подлинная религия должна исключать следующую ситуацию: «Ощущение исходящего от религий риска сопряжено не только с активизацией традиционных религий и религиозным экстремизмом, но и с новыми религиозными движениями» [3, с.52].

Идеология же стремится к тому, что абсолютизация социальной гармонии достижима чрез тотальную секуляризацию, а значит чрез политизацию и экономизацию социального, а поэтому она борется с религией. Непогрешимость власти и есть тот краеугольный камень, утверждающий различие между социоцентричной религией и квазирелигией.

Абсолютная власть приводит тому, что смысл общества, его законы найдены и деструктивные законы, мешающие мыслить субъекту, как коллективному, так и эгоцентричному, отменены путем выстраивания иной структуры, когда, например, политическое отождествляется с государственным, а между тем уже Платон обозначил их противоположные устремления. Квазирелигия эти устремления отменяет, она ставит между ними знак равенства, тем самым уничтожая еще один важный аспект социоцентричной религии – религиозный опыт. В контексте нашей статьи последний следует определять, как предельное игнорирование иерархизированной структуры и демонстрация ее разрушительной сути, как для отдельного субъекта, так и для общества в целом. Индивидуальное мышление может обходиться без мыслящего общества тогда, когда общество выдало императив социального бытия и его следует осмыслить. Но само оно этот императив создать в одиночку не может, ведь при его создании мыслят и другие. Сам начинаю мыслить после того, как другие высказались. В

социоцентричной религии иначе быть не может, тогда, как в квазирелигиозной практике высказывание других запрещено. Легитимация данного запрета находится легко, если ритуал интеграции других основан на так называемых стандартах массовизации социального. Социоцентричная религия не приемлет толпу, массу, квазирелигия ее принимает за единственно возможное выражение сущности социального, при этом рисуя ее как единственного творца справедливой лиминальной социальной реальности.

Квазирелигия однозначно полагает, что общество не субъект, а объект, поэтому его можно и должно изменять. Более подробную картину анализа этих черт в концепциях авторов настаивающих на дифференциации религии и квазирелигии в отечественном религиоведении представил А.П. Забияко [2]. Для него утверждения авторов не вызывают сомнения, ибо квазирелигиозность действительно была актуализирована во время торжества политических идеологий, более того отметим, что живучесть идеологий во многом связана с тем, что в них социоцентричные религии представлены как эффективно действующая часть духовного развития общества, что и было вполне справедливо установлено Д.В. Пивоваровым. Однако если идти вслед за П. Тиллихом и Н. Смартон, то вполне приемлемым станет тот факт, что квазирелигиозность возможна только в предельно политизированном обществе. Как справедливо отмечает А.П. Забияко: «Отделив от религии – созидательной формации – то, что он считает религиоподобными мутациями секуляризма, Вах снимает подозрения, что именно из религиозной формации, из ее темных недр и ожившего прошлого рождены губительные химеры нацистского Асгарда, американский культ «золотого тельца» или дух Ямато», поднявший ввысь, «священный ветер» – камикадзе» [2, с.106].

Именно в нем политическая дезинтеграция и механическое навязывание доселе невиданной социальной структуры, настаивающей на неуязвимости общества перед негативными социоразрушающими законами, утверждается как легитимность власти избранного меньшинства и отбора в него без наличия религиозного опыта, а лишь через участие в идеологических ритуалах, когда харизма, вызывающая эмоцию социального единства, уже рутинизирована. Рутинизация харизмы в данном случае предполагает отмену ритуалов низвергающих наличие торговцев в храме и допущение непогрешимости вышестоящих по отношению к нижестоящим в иерархии. Рутинизация харизмы

есть уход от соединения философии с поэзией и ее соединение с политикой. Следует отметить, что в основании социоцентричной религии лежит понимание того, что необходимо постоянно жертвовать тем, что дезинтегрирует общество, что пытается профанировать полностью социальное бытие, выдавая за сакральное профанное и наоборот.

Здесь можно упомянуть А. Бадью полагающего, что «Воля к досмотру и превосходству есть то же самое, что и воля к уничтожению» [1, с.25]. Уничтожение связи поэзии и философии, замещение поступка ритуалом выступает основным отличительным свойством квазирелигии, рожденным как ни странно в недрах религиозных сообществ и ведущим к исчезновению события перехода сознания на более высокую ступень постижения мира как необходимого условия философского понимания подлинной религии.

«Досмотр за имуществом» ведет к тому, что епископ заменяет пресвитера. Религиозный опыт заменяется его ритуальной симуляцией, и религия социотворения заменяется религией социопостроения. Главное «изъять» из религии практики актуализации коллективного мышления. Квазирелигия побеждает тогда, когда любому индивидуальному сознанию со всей очевидностью кажется, что мыслит уникально только оно, а все окружение далеко от истины и не дает ничего индивидуальному мышлению. Вполне возможно, что одним из примеров политизации религии выступает догмат о непогрешимости папы. В православии же непогрешимых нет. Как нет возможности утверждения всеислия учения, добившегося отождествления власти индивидуального сознания и власти социально просвещенной. Однако нельзя забывать о том, в современном русском православии патриаршество, помещенное в современный социокультурный ареал кризиса православной цивилизации, объявляется носителем квазирелигиозности. Такое восприятие связано с тем, что духовное сопротивление праву политической власти на главенство в мышлении многим не видно. В церкви находят только условные моральные суждения, а не изменение точки зрения на социальное бытие.

Важнейшим замечанием, отличающим квазирелигию от социоцентричной религии, по нашему мнению, выступает то, что первая стремится во всем заместить любые традиционные типы религиозности, отрицает саму возможность продления их традиционного присутствия в той части бытия, которую данная религия упорядочивает. Квазирелигия отказывает последователям

традиционных религий в каком бы то ни было философском мышлении или в мышлении вообще. Самое главное она отрицает возможности постижения закономерностей или создания концептов до своего возникновения. Ее всеислие доказывается запретом на проведение ритуальных практик, ведущих к установлению факта наличия социальной субъектности до нее. Она легко идет на дискредитацию самобытного пути упорядочивания социальной реальности, ведь он не предполагает насилие избранных над неизбранными. Устранение врага в квазирелигии только физическое, в социоцентрированной религии оно вообще не предусмотрено, ибо само социальное бытие инакомыслящего есть необходимость постоянного характера.

Поэтому следует постоянно помнить о том, что социоцентрированная религия есть упование на духовную общину как состояние нормального идентификационного выбора, от коего зависит приход к социальной норме через выработку нормального социального идеала. Соответствует ли это квазирелигиозности? Нет. Ведь согласно позиции П. Тиллиха «В секулярных квазирелигиях в качестве высшего интереса выступает народ, наука, некоторая форма или этап в развитии общества, высший идеал человечества, которые при этом обожествляются» [5, с.398-399]. Такое обожествление предполагает избранность, а не соборность, а значит священную иерархию. При этом следует оговориться, что в рамках социоцентрированной религии народ не отрицает свои коллективные представления более того он полагает их условием нормального религиозного опыта, в то время как в рамках квазирелигии отторжение традиционных коллективных представлений является важнейшим условием существования последних. В них обожествляется не народ, а масса, названная народом. Можно сказать, что в квазирелигиях все «квази» в том числе можно говорить о квазинароде, ибо народ никогда не полагается на замещение своего сакрального состояния на секулярное состояние. Потерянный разум, ведущий к такому идеалу свойственен массе, прошедшей через секуляризацию бытия и гордящейся этой секуляризацией, как актом рождения народа.

Масса не знает никакой религии, она и состоит из симулирующих индивидов, отвергших традиционные принципы социального бытия, прошедших через квазилиминальность тотальной профанизации бытия. Квазилиминальность отличается тем, что братство приходит не как свободно осу-

ществляемый выбор, а как навязанное отсутствие выбора. Принуждение массы есть принуждение выбора по выгоде, а не по мудрости. Секуляризация в квазирелигии означает политизацию социального бытия, когда в религии видят столько политического, что делают последнюю зависимой от позже появившейся идеологии. Вот в том-то и состоит различие квазирелигии и социоцентрированной религии, что последняя предполагает политизацию как отход от религии, как акт социального самоубийства. Воля индивида, не желающего учитывать явные закономерности социального бытия, вводящего запрет на главенство религиозного опыта, есть первое и самое важное отличие квазирелигии от социоцентрированной религии. В квазирелигии симулякр ведёт к смерти социального и смерти бога в социоцентрированной религии эта смерть отрицается.

Еще одним немаловажным дифференцирующим социоцентрированную религию и квазирелигию является избранность. Для социоцентрированной религии нет избранного народа, ибо он не действует в истории как утверждающий свою самобытность как творца исторического сценария, он минует время пророков и состояние своей субъектности в духовной общине, он минует стадию «народа в силе» в сторону ожидания мессии с сохранением священной иерархии. Он потерял свой социальный космос. Для социоцентрированной религии потеря духовной общины и замена ее на священную иерархию и есть квазирелигиозность. Однако Д.В. Пивоваров полагает, что избранность и выступает критерием социоцентрированной религии. Избранность предполагает преодоление рабского состояния науки, народа, политической организации, вождя и полной творческой самореализации. В то время как народ в силе находит силы в том, чтобы соединить творчество и самобытность. Самобытность не избранность.

Социоцентрированная религия, по мнению Э. Дюркгейма предполагает возможность сакрализации социального. Смысл сакрализации состоит в том, что метафизичность социального превосходит его диалектичность. Ведь социальное как субъект-субстанция у Э. Дюркгейма имеют духовное происхождение, и демонстрируется через возобновление актуализации коллективных представлений в любых исторических условиях. Ритуалы репрезентации социального меняют форму, но отражают всю ту же необходимую структуру, ведущую к все тем же императивам. Рутинизации харизмы и неприятия мира

в социоцентрированной религии нет в силу того, что социальное бытие видно лишь при очевидности харизмы и повторяемости мира. Культ личности вождя при таком понимании возникает из-за того, что он превращается в боевой клич, позволяющий живым выжить, а мертвым перейти в ранг вечно почитаемых святых. Более того вождь демонстрирует субъектность народа через постоянные акты лиминального свойства, где его постоянное присутствие их и обеспечивает. В социоцентрированной религии социальное бессмертно, ибо народ в состоянии метафизики и состоянии иерархии преодолевается во всех необходимых социальных институтах.

В квазирелигиях все происходит иначе, расколдовывание мира происходит во имя смены одной паразитарной структуры на другую путем смешивания общества и асоциальных действий личности. У индивидов в лоне квазирелигии возникает жажда поражения асоциальному вождю. Об этом наиболее четко сказал Ф.М. Достоевский устами Р. Раскольникова: «Кто у них больше посмеет, тот у них и прав». Здесь личность в истории выпячивается настолько, что готова объявить конец истории путем построения нового доселе невиданного социального. И в рамках этого социального она запрещает все формы социальной идентичности бывшей до нее и вводит свои новые формы, уничтожая коллективные представления как совокупность неизвестно почему выживших заблуждений. Самобытность в рамках квазирелигиозности таится не в том, чтобы быть самим собой, а в том, чтобы опередить политического соперника и прийти к господству, мировому господству. Здесь вождь господин и подражание ему есть господство. Ритуалы перехода здесь тупиковые не ведущие к росту, а репрезентирующие подчинение.

В квазирелигии диалектика затмевает метафизику тем, что помещает индивидуальное и коллективное сознания в рамки доселе еще невиданных ситуаций, где подражание великому должно стать нормой, а асоциальное выражением свободы человека. Он не видит, что подражает, не видит, что над ним господствуют. Не понимает, что в социальном бытии все познаются в сравнении. Ему сравнивать не с чем, он живет во времени, не имеющем аналогов.

Народ здесь впервые становится разумным, но лишается мудрости и мысли. Он убежден в том, что вождь не заблуждается, подчинение ему большинства необходимо, а социальные закономерности сакральными становятся в силу возможности преодоления тех неприкосновенных, которые до

этого полагались таковыми. Если Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин рушили храмы, то И.В. Сталин восстановил патриаршество. Восстановил не потому, что, по мнению Р. Медведева испугался американцев, а потому, что понял интегрирующую роль религии в условиях войны. Ту самую необходимость сакрализации социального, против которой и выступает квазирелигиозность. Состояние обретенного разума через отрицание наличия коллективной субъектности до тех пор, пока не произошло торжество массы над коллективными представлениями, является отправной точкой различия социоцентрированной религии и квазирелигиозности. Народ не приемлет квазирелигиозности в силу того, что масса опошляет все священное, сводя социальное к учрежденной новой структуре, ведущей к господству, а не к коллективному мышлению. Индивидуальная духовность для него невозможное явление без коллективной духовности. Коллективная духовность первична, индивидуальная духовность без социальной субъектности невозможна.

Во временном контексте отличие социоцентрированной религии заключается в том, что она обнаруживает священное время и пространство как тотальное в современности, одухотворяя современность. В то время как квазирелигиозность отказывает современности в священном времени. Для нее невозможно одухотворить всех убеждением, поэтому она прилагает политические и экономические усилия для того, чтобы установить священное время уже в ею же расколдованном мире. Только если в рамках священного времени социоцентрированной религии возникает осознание постоянного присутствия социального субъекта, например, этноса, то в рамках квазирелигиозности любая социальная субъектность, кроме иерархизированной церкви преследуется. Данное преследование необходимо для того, чтобы созданная раз и навсегда масса получала экстаз от действия священной иерархии. Сакральное в квазирелигии создается без социального субъекта, но с политическим и экономическим подтекстом. Религия сшивается с политикой и экономикой так, что в рамках профанного социальная ответственность за политические и экономические бедствия возлагается на тех, кто попытался воспротивиться массе и предложить произвести социальную субъектность как необходимое начало социального бытия.

Социоцентрированная религия как раз и предполагает, что основной функцией религии является производство, сохранение и воспроизводство

социальной субъектности. Она вполне признает одновременное сосуществование, как этноса, так и массы, но стремится к предотвращению установления господства второй над первым. Она стремится указать на то, что они, сосуществуя, живут в разных временах и местах одновременно. Масса и власть над ней есть искушение, ведущее к снятию диалога между отдельным субъектом личностью и коллективным субъектом. Именно этот диалог есть социосозидающей начало, приносящее в жертву власть и богатство, в то время как в квазирелигиозности безмолвная масса даже, разбитая на секты, внемлет проповеди избранного, атрибутом избранности коего является власть или деньги. Поэтому социоцентрированная религия допускает религиозную самобытность без отделения от коллективной субъектности, ибо и она выступает как самобытное начало, в то время как квазирелигиозность допускает тотальный универсализм.

Если взять общеизвестную триаду первобытные-национальные-мировые религии, то в контексте социоцентрированной религии легко обнаруживается игнорирование ее прогрессивного смысла, скорее устанавливается ее регрессивный смысл. В то время как квазирелигиозность, уповаает на прогрессивность данной триады, устанавливая запреты на констатацию какого бы то ни было сосуществования.

Уничтожение социального субъекта в квазирелигиозности исторически описывается как выбор одного из двух способов, либо уничтожается мыслящая личность, либо уничтожается коллективный субъект. И никто не видит того, что уничтожается одновременно и то и другое. Социоцентрированная религия начинается как раз тогда, когда очевидность этого факта несомненна. «Смерть субъекта» и «смерть социального» для нее есть звенья одной цепи и путь к торжеству квазирелигии. Отсюда можно сделать вывод, что отождествление квазирелигии и социоцентрированной религии является методологическим заблуждением, вызванным стремлением доказать невозможность уничтожения религии в эпоху секуляризации.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бадью А.* Манифест философии. СПб, 2003.
2. *Забияко А.П.* Язычество: от религии крестьян до кибер-религии // Религиоведение. 2007. №1.
3. *Матецкая А.В., Греков И.М.* Религия и риск // Гуманитарные и социальные науки 2018. № 6.
4. *Пивоваров Д.В.* Социоцентрические религии. Екатеринбург, 2015.
5. *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. М., 1995.

R E F E R E N C E S

1. *Badyu A.* Manifesto of philosophy. SPb, 2003.
2. *Zabiyako A.P.* Paganism: from religion of peasants to cyber-religion // Religious studies. 2007. No. 1.
3. *Matetskaya A.V., Grekov I.M.* Religion and risk // The Humanities and social sciences. 2018. No. 6.
4. *Pivovarov D.V.* Sociocentric religions. Yekaterinburg, 2015.
5. *Tillich P.* Selective works: Theology Culture. M., 1995.

4 марта 2019 г.
